

# Пролог

В музее городка Хейлинг-Коув, где я вырос, есть картина, скрытая от глаз туристов. Она находится на первом этаже справа, за коридором, ведущим во внутренний сад. Ребенком я разглядывал ее часами. Я пытался перерисовывать ее в свои альбомы, а однажды уговорил маму отклониться от привычного маршрута, чтобы еще раз взглянуть на нее. Поморщившись, мама отвела меня обратно в главный зал и сказала: «Логан, искусство не искусство, если люди его не понимают».

Только годы спустя я понял, что же хотел передать художник. Но ведь и с людьми то же самое.

Когда я впервые ее увидел, меня посетила именно эта мысль. Она сродни искусству.

Понять ее смогли немногие, но те, кому это удалось, знают, что никому другому не под силу пробудить в них те же чувства.

# 1

## Логан Тернер

*Логан*

Голова вот-вот взорвется.

Стоит мне открыть глаза, и я вижу сплошную белизну. Так, это потолок. А еще что-то резиновое и розовое, и оно качается. И похоже на пенис. Уж это-то я где угодно узнаю, даже с такого похмелья. Подо мной что-то мягкое, значит, я в кровати. И она не моя. Мой бедный заторможенный мозг способен прийти к одному-единственному заключению: фаллоимитатора у меня нет, следовательно, я в чужой постели.

Вчера я точно перебрал. Зевнув, я пытаюсь сесть, но тут же со стоном откидываюсь назад. Комната кружится. Кажется, меня сейчас вырвет. Я на мгновение закрываю глаза, чтобы сосредоточиться. Отлично. Режим «после вечеринки» активирован.

Когда просыпаешься с похмелья в чужой постели, необходимо проверить две вещи. Первое — одет ли ты: тут, слава богам, все в порядке. И второе — спал ли ты один. И едва эта мысль приходит мне в голову, я уже знаю ответ. Мне даже не нужно оборачиваться.

Черт.

А я ведь даже не знаю, кто она.

Девчонка спит. У нее бледная кожа, усыпанная веснушками, густые ресницы и полные губы. Рыжие волосы спадают на лоб. И, к счастью, она тоже одета. Я напрягаю мозг, пытаюсь вспомнить ее имя, но тщетно. Ни-че-го. Ни ответа ни привета.

А я почти уверен, что целовался с ней прошлым вечером.

Больше я не пью.

Моя философия в таких случаях проста: что сделано, то сделано. Мы оба были пьяны. Это ничего не значит. Нужно убраться отсюда, пока она не проснулась, иначе нас ждет неловкий разговор. Я снова пытаюсь сесть, но тут же резкий рывок едва не выдергивает мне руку. И проблема предстает передо мной во всей красе.

Перевожу взгляд с ее запястья на свое.

Мы в наручниках.

Что за?..

Времени на подумать нет. Незнакомка внезапно распахивает глаза.

— Не кричи. — Мой голос осип от похмелья. Не хватало еще, чтобы у меня лопнули барабанные перепонки.

Но она вовсе не собиралась кричать. Едва завидев меня, она вскакивает и в панике оглядывается по сторонам.

— О нет, — беспокойно шепчет она, — нет, нет, нет, нет, нет.

Она резко срывает простыню, проверяя, одета ли. Я снова чувствую рывок, но теперь его ощущает и она. При виде наручников вся краска сходит с ее и без того бледного лица.

— Никому ни слова, — тараторит она. — Seriously, Логан. Линда не должна об этом узнать.

На мгновение я застываю. Так, она знает мое имя. А я знаю, о ком она говорит. Но мой похмельный мозг отказывается понимать, при чем тут вообще Линда.

— Нам нечего скрывать. — Я пытаюсь сохранять спокойствие. — Ничего ведь не было.

Ну ладно, мы целовались. И очень даже страстно. Подробностей я не помню, но это точно было так, и я тогда еще подумал: «Вау».

Я снова смотрю на ее полные искусанные губы. Кажется, она тоже все помнит, раз нервно откашливается.

— Это останется между нами, — настаивает она. — Ничего не было. Дай слово.

Я не разбрасываюсь обещаниями. Особенно перед незнакомками. Вместо ответа я киваю на наручники.

- Сними это, и я исчезну с глаз долой.
- Ладно. Где у тебя ключи?
- С какой стати ключи у меня?
- Это наверняка было твоей идеей.

У меня вытягивается лицо. Так, вот теперь эта ситуация начинает меня напрягать.

— Поверь, прошлой ночью я вовсе не мечтал оказаться пристегнутым к тебе наручниками.

— Это единственное логичное объяснение.

— Ты правда думаешь, что я хожу и пристегиваю себя наручниками к пьяным девушкам?

— Учитывая твою репутацию, в это легко поверить.

— Мою репутацию? — насмешливо переспрашиваю я. В ее голосе слышится презрение, но меня это не удивляет, я уже привык. — Кажется, она не очень-то тебя смутила, когда ты решила запрыгнуть ко мне в постель.

— Во всем виноват алкоголь.

— Ну разумеется.

— Поверить не могу, что это не сон, — бормочет она. — О чем я только думала?

— Вряд ли о своей подруге Линде.

Она бросает на меня испепеляющий взгляд.

— Что? Ты же сама сказала, что она не должна ничего узнать.

— Неудивительно, что она считает тебя придурком.

Она явно пытается меня задеть. Я равнодушно пожимаю плечами, что злит ее еще сильнее.

С недовольным видом она оглядывается вокруг. В комнате царит беспорядок, как и обычно после вечеринки: на полу валяются простыни, подушки и пивные банки. Даже удивительно, что мы проснулись вдвоем. Если мне не изменяет память, вчера здесь было очень много народу.

— Если ни у кого из нас нет ключа, значит, мы где-то его оставили, — размышляет она вслух.

- Ух ты. Об этом я и не подумал.
- Есть идеи? — ворчливо спрашивает она.

Окидываю комнату взглядом. Голова по-прежнему раскалывается. Найти здесь ключи — все равно что отыскать иголку в стоге сена. Короче говоря, мы в заднице.

- В этом доме все наперекосяк.

Вздохнув, я откидываюсь на подушку. Незнакомка вздрагивает, когда наши руки случайно соприкасаются. Затем переводит взгляд на потолок, как и я, и тут мне становится смешно.

Она покраснела прямо как рак.

Я улыбаюсь. Кто же она такая?

— Только не говори, что видишь такое впервые, — насмешливо комментирую я.

— Нет конечно. — Она поспешно отводит взгляд, явно нервничая. — Нужно... нужно поискать внизу.

- Отлично. Покончим с этим.

Я пытаюсь встать, она тоже, и я снова чувствую рывок, потому что мы двинулись в разные стороны.

— Слезай здесь, — говорю я, дергая на себя. Уступать я не намерен.

Фыркнув, она ползет по матрасу ко мне.

Оказавшись на ногах, я едва не теряю равновесие — так сильно кружится голова. Собравшись, я провожу рукой — той, что не прикована наручниками к угрюмой девушке, — по волосам. Так непривычно, что на мне нет шапки. Я озираюсь и нахожу ее на прикроватной тумбочке. Заснув ее в карман брюк, я следую за знакомкой к выходу. Нам приходится идти вплотную друг к другу, соблюдая единый ритм, что вызывает сплошные ругательства. Наши руки то и дело соприкасаются. У нее ледяная кожа, ведь она всю ночь провела в черном облегающем мини-платье, укрытая одной простыней. Она босиком — видимо, где-то оставила туфли.

Я пытаюсь вспомнить, что было накануне. По субботам у меня всегда много работы; я поздно вернулся из тату-салона, и ко мне

заявился Кенни, жалуясь на очередную ссору со своей девушкой Сашей. Я не фанат вечеринок, но дружба требует жертв, а ему было необходимо развеяться. И так мы оказались здесь.

После этого я ничего не помню. Кроме поцелуя, конечно же. Пока мы спускаемся по лестнице, я рассматриваю незнакомку. Ее волосы выкрашены в темно-рыжий цвет.

— Слушай, я понятия не имею, что тебе сказала Линда, но...

— Скажешь, что между вами ничего серьезного?

— Мы не вместе, — говорю я. — Так что не вижу причин держать это в секрете.

— Ты сам сказал, что ничего не было.

— Это правда. Ничего не было.

— Значит, скрывать нечего.

— Отлично.

— Отлично.

Мы продолжаем спускаться.

— А вообще-то намекни ей, что мы не встречаемся, — добавляю я, рассеянно проведя рукой по перилам. — Купи ей мороженое, сядь с ней на кровать и вручи салфетки, а затем объясни, что пора перевернуть эту страницу и забыть обо мне.

Девчонка поворачивается ко мне с горящими глазами:

— Ты всегда ведешь себя как последний козел?

— Только когда просыпаюсь в дурном настроении.

— Я знала, что с тобой непросто, Логан. Сплошной сарказм.

Такой весь из себя неприступный. Странно, что ты вообще кому-то нравишься.

Ух ты. Да она и впрямь меня ненавидит. И она не просто злится. В ее словах чувствуется презрение. Но она права — и это самое ужасное. Едва ли я кому-то нравлюсь.

— Давай найдем ключ, — сухо предлагаю я. Пусть не думает, что ее замечание меня задело.

Когда мы спускаемся на первый этаж, из кухни доносятся голоса. Тут же оба выбираем противоположное направление.

Я не в настроении общаться с кем-то еще, а незнакомка явно беспокоится о том, чтобы «это» осталось между нами. Мы входим в гостиную и пробираемся через валяющиеся на полу пластиковые стаканчики и пакеты с мусором.

Ходить в наручниках — настоящая пытка. Постоянные рывки раздрают запястье. Разумнее всего было бы взяться за руки, но я этого не предлагаю. И она тоже.

— Твой план едва ли сработает, — говорю я, когда она ведет меня к дивану, чтобы посмотреть между подушками.

Она со злостью скидывает парочку на пол.

— У меня хотя бы есть план.

— Искать крохотный ключ в доме, где царит хаос? Прекрасное решение.

Она раздраженно смотрит на меня.

— У тебя есть вариант получше?

— Наручники — не моя идея. Сама знаешь.

— Не могу поверить, что ты нравишься Линде.

Я едва не теряю равновесие, когда она вдруг наклоняется, чтобы заглянуть под стол. Опершись одной рукой о диван, я стараюсь не пялиться на ее зад.

— Я и сам не рад, что нравлюсь Линде.

— Ты и мизинца ее не стоишь.

— Тогда почему она тратит на меня свое время?

— Я каждый день задаю ей этот вопрос, — говорит незнакомка, выпрямляясь. Свободной рукой она отряхивает платье. — *Каждый день.*

Теперь понятно, откуда такая сильная ненависть.

— Дай угадаю, вы закадычные подружки? Только смерть разлучит вас и все такое?

— Она моя лучшая подруга.

— Тогда ты не понаслышке знаешь, что она просто без ума от меня.

— Понятия не имею, что она в тебе нашла.

— Но ты же вот что-то тоже нашла. Иначе бы не вешалась вчера мне на шею.

Я не собирался поднимать тему поцелуя. Лучше бы я вообще об этом не упоминал. Но мне не терпелось заткнуть ей рот. Она замирает на мгновение, а потом говорит:

— Я на тебя не вешалась.

— Еще как вешалась. И тебе явно понравилось. — Она подсакивает, когда я дергаю за наручники, чтобы притянуть ее ближе. — Я мало что помню, но ты точно меня целовала. Причем с большим энтузиазмом. Но вот откуда взялись наручники — понятия не имею.

Мы стоим лицом к лицу, и ее дыхание учащается от моей близости. Я понимаю, почему обратил на нее внимание вчера. Она очень даже ничего. Вкус не изменяет мне даже в пьяном угаре.

Девчонка с трудом смотрит мне в глаза.

— Это ты меня поцеловал.

— После того, как ты меня об этом умоляла?

— Нет, мы играли в бутылочку. И я позволила надеть на нас наручники, чтобы не целоваться с тобой снова.

В этом есть смысл. Раз я согласился на такую глупую игру, видать, я уже прилично набрался.

— Так, значит, это была твоя идея, — насмешливо протягиваю я, чтобы заставить ее понервничать.

У меня это получается.

— Я думала, это ненадолго.

— И как же ты оказалась со мной в одной постели?

— У меня не хватило бы сил затащить тебя туда, так что подумай сам, с чего вдруг ты согласился со мной пойти.

Я улыбаюсь. Мой взгляд снова падает на ее губы. А затем — поднимается к глазам.

— Все ясно. Держу пари, это твоя первая университетская вечеринка. — С каждой секундой это все очевиднее. — Ты первокурсница?

Она пытается напустить на себя равнодушный вид, но явно волнуется.

— А какая тебе разница?

— Большая. Первогодки не в моем вкусе. Не обижайся, ничего личного. Вчера я явно перебрал.

— Это был один-единственный поцелуй, Логан. И это была ошибка.

— Значит, другому не бывать. Какое счастье.

— Вот именно. Боже упаси.

Внезапно слышится шум смываемой воды в туалете, после чего одна из дверей в коридоре открывается. Мы тут же переглядываемся. К счастью, кто бы это ни был, гостиная его не интересует. Но прежде, чем я успеваю связать по этому поводу, незнакомка тащит меня в коридор.

— Позволь спросить, что ты творишь.

— Заткнись. У меня идея.

И минуту спустя мы оказываемся в запертой ванной.

— Я не шутил, когда сказал, что больше такое не повторится, — уточняю я на всякий случай.

Она отпихивает меня, но в итоге тащит за собой, ведь мы по-прежнему скованы. Девчонка опирается руками о раковину, и я складываю два и два, когда она открывает кран и берет кусок мыла.

— Это не сработает, — замечаю я.

— Да я что угодно сделаю, лишь бы больше тебя не слышать.

Я делаю примирительный жест свободной рукой. Но она этого не видит, потому что полностью поглощена делом — намыливает запястье, чтобы попытаться выскользнуть из наручников. Я опираюсь на стену, вытянув руку, чтобы ослабить натяжение, и наблюдаю за девушкой.

Она довольно привлекательна. Темно-рыжие волосы, зеленые глаза, веснушки, средний рост. Но ничего особенного. Таких, как

она, полно, поэтому странно, что наш поцелуй произвел такой эффект. Думаю, я не скоро выкину его из головы.

— Да что же такое, — шипит она раздраженно, в третий раз безуспешно пытаясь высвободить руку.

— А я говорил, — вклиниваюсь я, чтобы подлить масла в огонь.

Она молча ополаскивает руку и, открыв шкафчик, роется в корзинке со всякими штучками для волос. Отыскав что-то, она тянет меня за собой к выходу, и мне остается только подчиниться — а что тут поделаешь?

Остановившись у лестницы, она начинает возиться с наручниками. Я хватаюсь за запястье и морщусь, чувствуя, как мне в кожу впивается металл. Рука покраснела даже поверх татуировок.

— Знаешь, почему ты мне так противен?

Я поднимаю глаза — что за внезапная агрессия?

— Давай, удиви меня. Не терпится узнать.

— Я знаю, какой ты.

— Только по слухам, — замечаю я.

— С тобой все ясно. Ты весь из себя крутой парень. Ты используешь девушек, дуришь им голову, а затем бросаешь словно ненужную вещь. — На меня она не смотрит, полностью сосредоточившись на наручниках. — Я верю, что то, как мы поступаем с другими, отражает наше отношение к себе. И, судя по тому, что я о тебе слышала, ты редкостный засранец, Логан.

— Наши взгляды разнятся, — холодно замечаю я, но она меня не слушает.

— Линда — моя лучшая подруга. А ты сильно ее обидел. — Наконец-то она смотрит мне в глаза. — А еще ты все утро вел себя со мной как последний козел. Так что никаких достоинств в тебе я не нашла.

— Ты закончила?

Я резко морщусь, почувствовав рывок.

И мое сердце замирает, когда я смотрю на девчонку и понимаю, что она освободилась. И это еще не самое худшее. Я не только

по-прежнему в наручниках, она еще и умудрилась защелкнуть свой браслет на перилах.

— Давай-ка без этих шуток, — негромко говорю я.

Закрываю глаза, чтобы не потерять самообладание, а открыв, вижу, как она закалывает волосы той самой шпилькой, которой расстегнула наручники.

— Ты же не бросишь меня одного?

— Как-нибудь сам разберешься.

Развернувшись, она уходит прочь.

Я дергаю рукой, пытаюсь высвободиться, но тщетно.

— Ты ошибаешься насчет меня.

Она останавливается и выжидающе смотрит на меня через плечо. Ждет объяснений. Но я их не даю.

— Как насчет сказать мне свое имя?

В ее глазах мелькает удивление. Видимо, она думала, что я ее знаю. Может, у нее и правда есть причины так на меня злиться.

— Зачем тебе мое имя?

— Когда я в следующий раз буду призывать злых духов, попрошу их навлечь на тебя сплошные неприятности.

Девчонка колеблется, но я многозначительно молчу. Несколько секунд спустя она говорит:

— Меня зовут Лия. И я редко ошибаюсь в людях.

Это звучит как приговор: «Я считаю тебя плохим человеком и буду считать так до конца своих дней». А хуже всего то, что я могу ее переубедить. Прямо сейчас. Могу рассказать ей, что на самом деле случилось между мной и Линдой; что я никогда не хотел причинить ей боль, что ее слова — сплошная ложь. И то, что люди говорят о нас с Клариссой, тоже ложь. Это просто слухи. Злые слухи.

И она им поверила. Без колебаний.

Поэтому я позволяю ей уйти. Мы все злодеи в чьих-то превратно рассказанных историях. И не стоит беспокоиться о тех, кто судит о человеке, не зная его.

## 2

# О бабушках, эротических романах и легко открывающихся наручниках

*Лия*

Я знаю Логана Тернера еще со школы.

Он старше меня на три года, и мы никогда не пересекались на занятиях, но я часто проходила мимо него в коридорах или видела, как он рассеянно чертит что-то в блокноте в столовой. Он любил рисовать и делал это отлично. Я всегда сидела в одиночестве за одним из столиков в глубине, стараясь остаться незамеченной. В течение двух лет я наблюдала за ним издалека и никогда не осмеливалась заговорить с ним первой. Я не из тех, кто способен подойти к понравившемуся парню и пригласить его на свидание.

Окончив школу, Логан отправился учиться в Портленд. Он не пошел по стопам своих друзей, которые предпочли уехать как можно дальше от Хейлинг-Коува. По слухам, он устроился на работу в тату-салон. Больше я о нем ничего не слышала, пока несколько месяцев назад Линда, моя соседка и лучшая подруга, не заявила ко мне в комнату, сообщив, что переспала с одним парнем. И это был не кто иной, как Логан.

Логан Тернер. Тот самый художник, вечно уткнувшийся в свой блокнот в школе, превратился в разрисованного татуировками парня, который ведет себя так, будто на него ополчился весь мир.

До меня доходили слухи. Говорили, что он изменил Клариссе и из-за этого случилось... то, что случилось. И что с тех пор его сердце настолько разбито, что он пытается заполнить его, вырывая куски из чужих сердец.

Он не из тех, кого я хочу видеть рядом с собой.

И все же я без колебаний поцеловала его на вечеринке.

Это было безумие, самый абсурдный поступок за долгое время, и в результате я не могу смотреть на Линду без чувства вины. Даже если она курит в моей комнате, хотя я тысячу раз говорила ей, что мне это не нравится.

По крайней мере, ей хватило совести открыть окно.

— Поверить не могу, что там был Logan, — рассеянно говорит она, выдыхая сигаретный дым.

Я напрягаюсь и впиваюсь взглядом в экран ноутбука, чтобы это скрыть. Уже полчаса я пытаюсь что-то написать, потому что обещала читателям выложить на этой неделе новую главу, но не могу погрузиться в роман, когда в голове только мысли о целуе.

— Лия? — окликает она меня, когда я не реагирую.

Я поднимаю глаза. Обхватив себя руками, она прислонилась к подоконнику, пытаюсь согреться в толстовке. Ее светлые волосы собраны в небрежный пучок.

— Ну да, был. — И снова начинаю печатать.

Еще как был. К сожалению.

— Почему мне так ужасно не везет? — хнычет она. — Он никогда не ходит на вечеринки. Никогда. А стоило мне остаться дома, как он тут же там оказался.

— Ты не много пропустила.

— Я слышала, он провел ночь с девушкой.

Желудок сжимается.

— Ты заслуживаешь лучшего.

— Я знаю это. Он подонок. — Она тушит сигарету в пепельнице. — Хоть бы позвонил, что ли?

Поникнув, она прислоняется к окну. От ее вида я чувствую себя еще хуже. Линда с ума по нему сходит с тех пор, как они познакомились в баре, а Логан только и делает, что ведет себя как настоящий козел. Линда всегда прощает его, и я не виню ее; я знаю по опыту, что любовь делает из нас идиотов. Это *ее* оправдание. Не мое. Это я должна была подумать прошлой ночью о том, что: а) целовать парня, который нравится твоей лучшей подруге, — это подлость, б) Линда никогда бы так со мной не поступила и в) все становится еще хуже, если этот парень — Логан Тернер.

— Что еще было интересного? Кроме Логана и его новой подруги, конечно, — с горечью добавляет она.

Усиленно делаю вид, что ничего не произошло.

— Да ничего особенного.

— А как насчет тебя?

— Меня?

— Было что-то интересное?

Я колеблюсь. Хорошая подруга не только рассказала бы о том, что случилось с Логаном, но и *никогда* бы этого не допустила. Я худший человек в мире.

— Встретила Хейза, — говорю я, зная, что это привлечет ее внимание. — С ним была Миранда.

Более известная как девушка, с которой он мне изменил.

— Придурок, — фыркает Линда. — Тошно смотреть на них в инстаграме\*. Ты не захочешь этого видеть, но на днях он выложил фото с подписью, что она делает его лучше. Ты только посмотри.

Она показывает мне экран. Я отворачиваюсь, чтобы их совместное фото не запечатлелось на моей сетчатке. И все же сердце ноет. Вот почему бы я предпочла ничего не знать; пусть даже я никогда к нему не вернусь, мне больно оттого, как легко он вошел в новую жизнь.

---

\* Деятельность продуктов компании Meta (Instagram и Facebook) запрещена на территории РФ.

— Вполне возможно, — говорю я. — Мне-то он показал худшую версию себя.

Линда подходит ко мне и падает лицом вниз на мою кровать, сжимая смартфон в руках.

— Ты должна отплатить ему той же монетой. Переспать с его лучшим другом или что-то подобное. Я бы так и поступила. Жаль, что это не в твоём стиле.

Вместо ответа я опускаю взгляд на ноутбук. Линда права. Это не в моём стиле. Я бы не стала целовать лучшего друга Хейза, только чтобы его позлить. Не тогда, когда кое-что взбесит его куда сильнее.

Зачем соблазнять его лучшего друга, если есть Логан Тернер, которого он ненавидит всей душой?

— Когда-нибудь ты познакомишься с моей дикой стороной, — шучу я, чтобы сменить тему.

Линда присвистывает, указывая на мой ноутбук.

— Поверь, я уже с ней знакома. — Она шуточно меня пинает. — Как продвигается глава? Я тебя не отвлекаю?

— У меня нет вдохновения. Последняя глава задала очень высокую планку.

— Ты говорила, что там много секса. А людям нравится секс. Неудивительно, что их так зацепило.

— Для хорошей истории этого недостаточно, Линда. — Хочется верить, что роман привлекает читателей и по другим причинам.

— Их ждет разрыв?

Она обвиняюще смотрит на меня, и я прикусываю губу, чтобы не улыбнуться.

— Я буду принимать сложные решения, если того потребует сюжет, — напыщенно заявляю я.

Линда с оскорбленным видом открывает рот, как будто только что услышала самую возмутительную новость в мире, и хватает подушку, чтобы хлопнуть меня по ноге. Я со смехом уворачиваюсь.

— Пообещай мне хотя бы, что примирение будет грандиозным.  
— Я не даю обещаний, если не уверена, что смогу их сдержать.  
— Тебя должны запретить в интернете и вообще в этом мире. — Линда грозит мне пальцем. — Пусть лучше трахаются как минимум три главы подряд.

— Я такое не пишу.

— Скажи это тому, кто не знает сюжета всех твоих книг.

Смутившись, я отворачиваюсь, и она смеется. Готова поспорить, что мое лицо покраснело. Практически никто в моем окружении не знает, что я пишу книги. Хотя Линда не читала ни одного моего романа — это ей не близко, — время от времени, когда нам скучно, я делюсь с ней некоторыми идеями. Меня не обижает, что она не проявляет особого интереса к моему творчеству. Еще совсем недавно я сама сомневалась, есть ли у меня к этому талант.

Мои родители знают, что мне нравится писать, но они понятия не имеют, что я хочу сделать это своей профессией. Они также не знают, насколько большое у меня сообщество читателей в интернете и что именно я пишу. Романтические книги с примесью эротики. С некоторым количеством эротики.

С большим количеством эротики.

Вот почему я держу это в секрете. Если кто-то из знакомых узнает об этом, я больше никогда не смогу смотреть им в лицо.

На смартфон Линды приходит уведомление.

— Новое фото, — сообщает она. Приподнявшись, Линда роется в простынях в поисках телефона. Разблокировав экран, она прикусывает губу. — А потом ты еще спрашиваешь, что я в нем нашла.

— И давно тебе приходят уведомления о его постах?

— Заткнись и просто посмотри.

Она показывает мне экран. На переднем плане мужская спина.

Фон черный, а тени и поза подчеркивают рельефные мышцы. Все руки в татуировках. Первая мысль в моей голове: «Боже милостивый». А затем до меня доходит.

— Это не он.

Линда застывает.

— Что?

— Это не Логан, — повторяю я. — Это кто-то, кому он сделал татуировку. Но это не он.

Линда хмурится так сильно, что становится непохожей на себя. Она переводит взгляд с меня на фото.

— Почему ты так уверена?

— Не знаю. — Я начинаю волноваться. — Вроде не похоже на него.

— Теперь понимаю, о чем ты...

— Ага, — отвечаю я как можно небрежнее. — Просто надо при-  
смотреться.

Бросив последний взгляд на фото, Линда блокирует телефон. А я пытаюсь сосредоточиться на ноутбуке, но с трудом скрываю нервозность. Если она ничего не заметила, то откуда это известно мне? Предполагается, что она знает его лучше, чем я. Они провели вместе больше времени. А я даже не разговаривала с Логаном до вчерашнего вечера.

Стыдно признаться, но я могла бы узнать его где угодно.

А он даже не знал моего имени.

Атмосфера сгущается настолько, что я чувствую огромное облегчение, когда звонит мой телефон: входящий видеозвонок. Закрыв ноутбук, я нажимаю «ответить».

— *Piccola*\*? — Это мама.

Я поднимаюсь и свободной рукой убираю ноутбук с колен.

— Здравствуйте, Джина! — приветствует ее моя подруга.

— Это Линда? *Ciao*\*\* , Линда!

Положив ноутбук на стол, я сажусь обратно на кровать, скрестив ноги. Линду в кадре не видно; она лежит у изножья кровати и возится со смартфоном.

---

\* Малышка (ит.).

\*\* Привет (ит.).

— Как у вас дела? — спрашиваю я маму.

Наконец она отходит от камеры, и я могу рассмотреть ее по-лучше. Она очень красивая женщина, с темными волосами и глазами цвета меда.

— Прекрасно. Твой отец, как обычно, занят в ресторане. Я попрошу его позвонить тебе. Он очень хотел с тобой поговорить. А твой братец Оливер... ты сама его знаешь. Все рисует в своих блокнотах. А у тебя как? Все в порядке с учебной?

— Ага. Сегодня днем у меня собеседование.

Линда с любопытством смотрит на меня. Я впервые упоминаю об этом в ее присутствии.

— А что за работа? — интересуется мама.

— Я увидела объявление в университете. Семья ищет репетитора — кажется, для маленькой девочки. Ее зовут Мэнди. У меня должно получиться. Прошлым летом я набралась опыта. И я уверена, что будет весело.

— У нас разные понятия о «веселье», — ворчит Линда.

Не обращая на нее внимания, я смотрю на маму. Та явно встревожена.

— Ты уверена? Ведь в университете будет большая нагрузка.

— Все будет в порядке. Часть расходов буду покрывать сама. Сплошные преимущества.

— Ты не обязана это делать, Лия.

— Но я хочу.

История моих родителей словно сошла со страниц книги. Они познакомились двадцать пять лет назад, когда мой отец, американец, поехал в отпуск в Порто-Венере, на побережье Италии. Они полюбили друг друга, и моя мама, мечтавшая увидеть мир, решила оставить все позади и отправиться с любовью всей своей жизни путешествовать по пяти континентам. Они провели в разъездах несколько лет. А затем поселились в Хейлинг-Коуве, небольшом городке в штате Мэн, и основали семейный ресторан «Порта

дель Парадизо»\*. Моя мама забеременела, а остальное — уже история.

В финансовом плане мы никогда не были обеспеченной семьей. Родители многим пожертвовали, чтобы я смогла учиться в другом городе. Аренда квартиры, плата за университет... Учеба дорого обходится. Несмотря на то что я живу в квартире с Линдой, родителям нелегко покрывать все расходы. Я не собираюсь сидеть сложа руки, пока они работают.

— Поверьте, Джина, я уже пыталась убедить ее прекратить поиски работы. Это невозможно, — доносится голос Линды за кадром. — Она самый упрямый человек на свете.

Мама выглядит гордой после этого комментария.

— Должна же она была что-то унаследовать от меня.

Звонок продолжается еще некоторое время. Она рассказывает мне о ресторане, о новых блюдах, которые они добавили в меню, и о том, как хорошо их приняли клиенты, а я — о том, как прошла моя последняя неделя в университете. Я изучаю литературу и, хотя я еще на первом курсе, уже уверена, что сделала правильный выбор. Я обожаю свою маму, мы очень близки, и общение с ней почти заставляет меня забыть о той глупости, которую я совершила вчера вечером.

Когда я заканчиваю звонок, мы с Линдой обмениваемся взглядами. Как всегда, мы понимаем друг друга без слов. Она знает, что мне очень важно найти работу. И что моя мать всегда этому способствует. Поэтому она и вступилась за меня.

— Спасибо за поддержку, — говорю я.

— Не за что. Для этого и нужны друзья.

Воспоминания о вчерашнем поцелуе тут как тут, занозой закрепились в моем разуме. Вместе с ними снова приходит чувство вины.

— Это и правда так, — соглашаюсь я, стараясь сохранять спокойствие. — Для этого и нужны друзья.

---

\* «Врата рая» (ит.).

Логан

— Ты что, правда позволил приковать себя к лестнице? — ехидничает Кенни, едва завидев меня.

Я почти рычу в ответ. Я в бешенстве. Настоящем бешенстве. Я сижу здесь уже два гребаных часа, терпя ухмылки проходящих мимо меня людей, а моя рука вытянута так долго, что начинает сводить судорогой. Первые тридцать минут были терпимыми. Я думал, что Лия вернется. Но она не вернулась. Следующие полчаса я провел проклиная ее на всех языках. А потом мне пришлось в голову позвонить Кенни. Хорошо, что у меня был с собой телефон.

— Наверняка этому есть объяснение, — добавляет мой друг, забавляясь. Зная его, можно не сомневаться: он будет дразнить меня несколько дней.

— Может, ты уже снимешь с меня эту штуку?

— Не уверен, Логан, получится ли.

Просто замечательно. Он в настроении насмеяться.

Я знаю Кенни уже много лет. Это крупный парень с длинными каштановыми волосами и руками, покрытыми татуировками, — постоянный клиент тату-салона, где я работаю. Он решил забить всю спину, и мы провели вместе так много часов, что стали друзьями. И теперь он единственный человек, чье присутствие я могу выносить.

Но не сейчас.

— Смотрите, — говорит он стайке девушек, которые проходят мимо нас с пакетами в руках. — Да, это Логан Тернер. Он в наручниках. На лестнице. Каков парень, а?

Я бью его по голени, пока они со смехом уходят.

— Какого черта ты творишь?

— Да пошел ты. Я из-за тебя пиво не допил.

— В десять утра?!

— Для пива подходит любое время! — восклицает он.

Я взмахиваю рукой в наручниках, чтобы привлечь его внимание. Кенни присвистывает.

— Ну, так ты расскажешь мне, что произошло?

— Давай ты сначала снимешь с меня наручники?  
— Не-а. — Он вальяжно прислонился к перилам. — Я слушаю.  
Я откидываю голову, чтобы запастись терпением. Кенни продолжает улыбаться. Уверен, он наслаждается моментом, и неудивительно. Ситуация, мягко говоря, жалкая. И в довершение всего у меня до сих пор болит голова.

— Я вчера поцеловал девушку, — начинаю я.

Он энергично кивает.

— Разумеется. Я же там был. Ну, я и все остальные.

И все остальные. Ну просто замечательно.

— Это подруга Линды.

Кенни морщится.

— Ну ты и попал.

— А то я не знаю.

— Как ее зовут?

— Лия.

— Не знаю такой.

— Счастливчик.

— Дай угадаю, ты ее разозлил и она оставила тебя здесь?

— Именно. А теперь можешь оторвать свою задницу и снять это с меня?

Кенни собирается помочь, но тут ему приходит мысль получше.

— Скажи волшебное слово.

— Ты что, издеваешься?

— Хочешь, чтобы я отказался помогать и ушел?

Я убую его.

— Пожалуйста. — Мне уже не до гордости.

— Пожалуйста — что?

— Пожалуйста, сними эти чертовы наручники.

— Попроси как следует.

— Кенни. — Мы обмениваемся взглядами, и, поскольку он, похоже, даже пальцем пошевелить не собирается, я в конце концов уступаю. — Можешь, пожалуйста, снять с меня наручники?

Мы продолжаем смотреть друг на друга. К счастью, вздохнув, он решает сжалиться надо мной.

— Мог бы постараться получше. Этот номер больше не пройдет. — Он наклоняется, чтобы разобраться с наручниками, и морщится: — Мужик, от тебя смердит.

Я не спорю. Просто снова откидываю голову и прикрываю глаза от боли. Похмелье меня доконает.

— Меня уже тошнит от всего этого, — хнычу я.

— Вот и все. Проблема решена, ковбой.

Стремительно поворачиваюсь к нему, не сразу осознав, что я наконец-то свободен. Отползаю подальше от лестницы и встаю. Инстинктивно я хватаюсь за запястье: оно горит, кожа покраснела. Кенни держит в руках растянутые наручники. Нахмурившись, я поднимаю на него взгляд.

— Как, черт возьми?..

— Это не настоящие наручники. К ним не нужен ключ. — Кенни демонстрирует, как при нажатии на крошечную кнопку они легко растягиваются. — Тебе не хватает опыта, братан.

Я в замешательстве хватаю ртом воздух.

— То есть я и сам мог их снять?

— Будь ты немного умнее, пожалуй, да. — Он похлопывает меня по спине, чтобы подбодрить. — Не переживай. Мы принимаем в нашу семью всех без исключения.

— Не трогай меня.

Освободившись от его хватки, я немного прохожусь, чтобы размять ноги. Затем отряхиваю джинсы. Странно, что я снова могу пользоваться обеими руками. Я провожу ими по волосам и, как всегда, чувствую себя неуютно без шапки. Достаю ее из кармана и надеваю.

— Никакой благодарности, а ведь я пришел за тобой, — говорит Кенни, убирая наручники.

Я подхожу, чтобы стукнуться костяшками в знак признательности:

— Спасибо, чувак. Я твой должник.

- Ты мне много чего должен.  
Это и впрямь так.
- Как дела с Сашей? — Вчера я пришел на эту чертову вечеринку, только чтобы он отвлекся от драмы со своей девушкой.
- Все хорошо. Я вчера позвонил ей по пьяни, и мы все уладили.
- Отлично.
- Никогда не стоит недооценивать силу хорошей пьянки.
- Я больше ни капли в рот не возьму. — По крайней мере если есть малейший шанс снова оказаться прикованным к кому-то наручниками. — Ты на фургоне? Подбросишь меня до дома? Мне потом надо в студию.
- Конечно. Но Мэнди убьет тебя, если увидит в таком виде. Меня разбирает смех. Ей не привыкать.
- Поверь, она видела меня и в худшем состоянии.

## *Лия*

Блок 18, 3-й этаж, квартира А.

Если гугл-карты не обманули, это здесь.

Выдохнув, я нервно одергиваю рубашку и джинсы. Мы договорились встретиться ровно в шесть, а я пришла на пять минут раньше. Я обязана получить эту работу. Были и другие объявления, но в большинстве случаев требуется полная занятость. К счастью, давать частные уроки относительно просто. Я без проблем могу совмещать это с учебой в университете. И я хорошо лажу с детьми. Прошлым летом я работала в лагере. У меня есть опыт. Я идеально подхожу для этой работы.

Осталось убедить их в этом.

Набравшись смелости, я звоню в дверь и в волнении убираю руки за спину. Остается ждать. За дверью слышатся шаги.

Едва она открывается, вся заготовленная речь мгновенно улетучивается из памяти.

— Нет, — машинально произносит Логан Тернер. — Нет, только не это. Нет.

Я замираю, увидев его. Он выглядит иначе, чем утром; он переоделся, и теперь на нем толстовка и серые треники. И главное, на руках больше нет наручников. Логан смотрит на меня так, словно мечтает похоронить заживо.

От нервов я не могу мыслить здраво.

— Что ты здесь делаешь?

Его брови взлетают вверх.

— Я здесь живу.

— Здесь? — Пазл наконец-то складывается, и на меня обрушивается реальность. — Я пришла по объявлению. Насчет твоей сестры.

— Моей сестры?

— Лия? — Из коридора слышится женский голос. — Вы пришли раньше! Приятно познакомиться, я Мэнди.

Пожилая женщина лет шестидесяти подходит к двери с широкой улыбкой на лице. Она одета в пестрое, в цветочек, платье свободного кроя, а седоватые волосы завиты в стиле афро. Она протягивает мне руку. Я пожимаю ее, пытаюсь осознать происходящее.

— Вы Мэнди? — глупо переспрашиваю я.

— Бабушка, какого черта? — вклинивается Логан.

Она поворачивается, чтобы шлепнуть его по руке.

— Что за выражения! Отойди ипусти девушку, ну же.

— Ты не станешь ее нанимать.

— Ты еще будешь мне тут указывать?

— Бабушка...

— Я сказала,пусти ее.

Несколько секунд они с вызовом смотрят друг на друга, затем Логан сдается и неохотно отходит от двери. Я затылком ощущаю его взгляд, когда захожу внутрь и следую за Мэнди по коридору. У меня такое чувство, будто я ступаю в логово льва.

— Я рада, что ты пунктуальна, — говорит она. — Это ценное качество.

— Ага, — рассеянно отвечаю я. Я не могу выбросить из головы мысли о Логане, о том, что он идет с нами, о вчерашних событиях, о Линде. — Для кого будут эти уроки? Для вашей внучки?

— Моей внучки? Логан — мой единственный внук, и, хоть в это верится с трудом, читать он умеет.

Дойдя до гостиной, она, обернувшись, смотрит на меня. Я останавливаюсь у двери, и, когда Логан обходит меня, наши руки на мгновение соприкасаются, и сердце начинает колотиться. Так, нужно расслабиться. Я нервничаю еще больше, чем утром. И это нехорошо.

Я смотрю на его широкую, крепкую спину, пока он не исчезает на кухне.

— Эти уроки для меня, — продолжает Мэнди, и я полностью сосредотачиваю внимание на ней. — Мне хотелось бы более бегло читать. Как думаешь, у тебя получится помочь?

Я застигнута врасплох. Еще как.

— А вы не думали записаться в школу для взрослых?

Она отмахивается от моего предложения:

— Не люблю людей.

— И это взаимно, — добавляет Логан, который только что вернулся в гостиную. Он прислоняется к дверному косяку с открытой бутылкой воды в руке и смотрит на меня. На его лице — смесь раздражения и любопытства, что вызывает у меня нехорошее предчувствие.

— Пожалуйста, Лия, не слушай моего внука. Порой он забывает, кто его содержит.

— Бабушка, не начинай.

— Так вот, тебе интересна эта работа? Как ты думаешь, ты могла бы... научить меня читать?

Мой первый порыв — ответить «нет». Это совсем не то, чего я ожидала; я привыкла учить детей, а не пожилых. Но тут янтарные глаза Мэнди встречаются с моими, и я в них вижу нечто такое, от чего мое сердце сжимается. Надежду. Она очень хочет найти

того, кто научит ее. Что, если другие тоже неправильно истолковали объявление? Возможно, она уже получала отказы.

— Да, конечно. — Мой голос неожиданно для меня самой звучит уверенно. — Это в моих силах. Никаких проблем.

Просияв, она выглядит так, будто ей не терпится подойти и обнять меня.

— Здорово! Какие у тебя часы работы и какие цены?

Я уже собираюсь ответить, как в разговор вмешивается другой голос:

— У тебя есть опыт? — Это Логан. Судя по его тону, убедить его будет непросто.

Я поворачиваюсь к нему. Его темные глаза встречаются с моими.

— Да, — отвечаю я.

— И ты можешь его подтвердить?

— Я хорошо справляюсь со своей работой.

— Не тебе об этом судить.

— Люди довольны мной.

— Какой сюрприз. Пай-девочка.

Последнее замечание он произносит с презрением. Судя по всему, на моем лице отражается желание ввязаться в спор, потому что он подносит бутылку к губам, скрывая улыбку. Играть в его игры я не собираюсь. Я здесь, чтобы получить работу, а не тратить время на споры.

Я поворачиваюсь к Мэнди.

— Я буду приходить три-четыре дня в неделю. И сама буду приносить вам книги, по которым мы будем заниматься. Я настойчива и терпелива, и у меня хорошо получается учить. Все, что нам нужно, — это время и тихое место, где никто не будет нас отвлекать, — добавляю я, намекая на ее внука-засранца. — Что касается цены, то меня вполне устраивает та, которую вы указали в объявлении.

— Ну все, пошутили и хватит. — Логан поворачивается к бабушке: — Я подыщу тебе кого-нибудь. У меня есть контакты.

— Со мной вы добьетесь хороших результатов, — возражаю я.  
— Ей нельзя доверять, — продолжает он, равнодушно кивая в мою сторону. — Она новенькая в университете. Едва ли у нее много опыта. От шестилетнего ребенка было бы больше толку.

Это уже слишком. Я поворачиваюсь к Логану, едва сдерживая желание ударить его.

— У тебя не найдется лестницы, к которой можно приковать тебя наручниками?

— А у тебя нет другой подруги, которую можно предать?

Что за полнейший?..

— В студии меня ждут клиенты. Я ухожу, — объявляет он. Закрыв бутылку, он оставляет ее на столе. — Я поговорю с Кенни, и мы найдем хорошего учителя. А ты, мелкая, сделай одолжение и перестань тратить время. Где выход, ты уже знаешь.

Я раздраженно смотрю ему вслед. А затем понимаю, что, собственно, только что случилось, и смотрю на его бабушку, которая молча наблюдала за нашей перепалкой. Ну вот, я только что упустила шанс на лучшую работу, которая мне когда-либо подворачивалась.

— Значит, вы уже знакомы, — констатирует она, бросая на меня многозначительный взгляд.

«Я поцеловала его прошлой ночью».

«Я поцеловала его прошлой ночью».

«Я поцеловала его прошлой ночью».

«Я поцеловала его прошлой ночью и ненавижу себя за то, что мне это понравилось».

— Мы учились в одной школе, — отвечаю я без лишних уточнений.

Молчание. Я жду, пока она вежливо попросит меня уйти. И тут происходит то, чего я никак не ожидала. Она улыбается.

— Мой внук. Логан. Нужно преподать ему урок, согласна? — говорит она, заметив мое замешательство. — Ну, и когда мы начинаем?

### 3

## Безнадежный случай

*Логан*

На следующее утро в семь часов звонит будильник. Я поднимаю руку, чтобы выключить его, и вновь сосредотачиваю внимание на графическом планшете. Увеличиваю масштаб, настраиваю штриховку и снова отдаляю картинку, чтобы проанализировать дизайн. Клиент передал мне готовый рисунок, который он нашел на пинтересте. Поскольку ни один уважающий себя художник не крадет у другого, я сделал свою собственную версию классического ревущего льва, добавив на задний план цветы и изменив шрифт. На мой взгляд, это все равно выглядит простовато. Не думаю, что набил бы себе такую татуировку. А может, и набил бы. Я говорил то же самое о половине моих работ — и вуаля.

Свою первую татуировку я сделал в шестнадцать лет. Это был необдуманный шаг. Я по пьяни проиграл спор другу и в итоге оказался на кушетке с иглой, пронзившей мою руку. Это была фраза «Пошел ты». Спустя годы я дополнил ее цветком в солнечных очках, который курит в своем горшке. И, в отличие от большинства людей, жалеющих о своем первом тату, в моем случае оно стало одним из любимых.

Тогда я впервые оказался в студии. И там я встретил Пич, женщину, которая нашла эскизы в моих блокнотах и открыла для меня этот мир. Вместе с Тейлором, ее парнем, они научили меня всему, что я знаю. Через неделю после переезда в Портленд к бабушке я отправил резюме в студию «Отвязные мастера», которая только что открылась в городе, — а вдруг повезет? И мне повезло. С тех пор прошло три года, и татуировки уже стали для меня привычкой.

Через час начнутся занятия, поэтому я выключаю планшет и встаю с кровати. Я всю ночь рисовал эскиз — не мог уснуть. В бессоннице для меня нет ничего нового, и я всегда стараюсь использовать время с пользой. Сняв пижаму, я бросаю ее на кровать, а затем открываю комод в поисках одежды. В зеркале на стене отражается подтянутый черноволосый парень, чьи плечи, руки и торс покрыты татуировками. В итоге я хватаю пару джинсов, футболку и одну из моих вечных толстовок. Конкретно эта обнажает розу на шее. Надев кроссовки, я оглядываюсь в поисках чего-то, чего мне не хватает.

А вот и моя шапка.

Захватив смартфон, ключи и бумажник, я выхожу из комнаты.

— Доброе утро, — приветствую я бабушку, входя в гостиную.

Как обычно, она сидит в кресле-качалке и пьет кофе. Моя кружка уже ждет меня на столе. Времени позавтракать как следует нет, поэтому я беру кофе и делаю глоток стоя.

— Куда-то спешишь? — бабушка приподнимает бровь.

— Нужно пораньше прийти на занятия. Есть пара вопросов к преподу.

Хотя в школе никто не назвал бы меня прилежным учеником, я всегда понимал, что ради будущего мне необходимо продолжать учебу. И знал, что направление должно быть связано с искусством. В Хейлинг-Коуве особых возможностей для этого нет, и я переехал к бабушке в Портленд, чтобы поступить на графический дизайн. У меня неплохо получается.

— Ты сегодня до скольки?

— Не знаю. У меня несколько клиентов, а потом надо убраться.

Вернусь только вечером.

— Вот и хорошо. — Она отпивает глоток.

Я хмурюсь.

— С какой стати?

— Лия придет около шести. Не хочу, чтобы ты нам мешал.

Опять это проклятое имя! Судьба словно смеется надо мной.

— Поверить не могу, что ты дала ей работу.

Поставив кружку на стол, я открываю рюкзак, проверяя, взял ли бумажник и зарядку для планшета. Моя явная угрюмость привлекает внимание бабушки, и она качает головой, словно говоря: «Не смейте разговаривать со мной в таком тоне, молодой человек».

— Ты не полил мои герани на прошлой неделе, — спокойно заявляет она.

— Бабушка, она приковал меня наручниками к лестнице.

— Милый мой, герани — моя слабость.

Я неохотно закрываю рюкзак. Ну зашибись теперь.

— Урок усвоен. Можешь дальше не стараться. Я же сказал, что найду кого-нибудь.

— Ну мне правда понравилась эта девочка. И видно, что она в этом деле разбирается.

— Ты ее не знаешь.

— А ты как будто знаешь?

Она смотрит на меня поверх металлических очков, бросая вызов. К сожалению, это правда. Все, что я знаю о Лии, — это то, что она слепо доверяет Линде. И что она ненавидит меня.

Если подумать, этого более чем достаточно.

— Знаешь что? Делай что хочешь. — Я закидываю рюкзак на плечо. — Я все равно не так часто бываю дома.

— Тем лучше. Не хочу, чтобы ты нас отвлекал.

— Удочеришь ее как внучку вместо меня?

— Поверь, я бы так и сделала, да много бумажной волокиты. — Она смеется, глядя на мое обиженное лицо. — Хорошего дня, милый.

— И тебе. — Я подхожу и целую ее в лоб, потому что, хотя она меня и раздражает, я буду переживать целый день, если этого не сделаю. — Насчет Лии: сообщи мне, если она станет вести себя враждебно. Я мигом примчусь. Я смогу с ней справиться.

Она подносит кружку к губам, чтобы скрыть улыбку.

— Конечно. Не сомневаюсь.